

Андрей Белый

Урна (сборник)

Андрей Белый

Урна (сборник)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3119815

Аннотация

«Упорный маг, постигший числа
И звезд магический узор.
Ты– вот: над взором тьма нависла...
Тяжелый, обожженный взор.
Бегут года. Летят: планеты,
Гонимые пустой волной, —
Пространства, времена... Во сне ты
Повис над бездной ледяной»

Содержание

В. Брюсову	5
Созидатель	5
Маг	8
Зима	10
Зима	10
Ссора	13
1	13
2	15
Я это знал	17
Воспоминание	19
В поле	21
Совесьть	23
Ночь	25
Смерть	27
Разуверенья	29
Ночь	29
Прости	31
Философическая грусть	35
Мой друг	35
Искуситель	38
Демон	42
Я	44
Тристии	46

Вольный ток	46
Прошлому	48
Думы	50
Жизнь	50
Ночь и утро	52
Ночь – отчизна	52
Вечер	54
Перед грозой	55
Просветление	56
Время	58
Посвящения	60
Сергею Соловьеву	60

Андрей Белый

Урна (сборник)

Посвящаю эту книгу Валерию Брюсову

Разочарованному чужды

Все обольщенья прежних дней...

Баратынский

В. Брюсову

Созидатель

Грустей взор. Сюртук застегнут.
Сух, серьезен, строен, прям —

Ты над грудой книг изогнут,
Труд несешь грядущим дням.

Вот бежишь: легка походка;
Вертишь трость – готов напасть.

Пляшет черная бородка,
В острых взорах власть и страсть.

Пламень уст – багряных маков —
Оттеняет бледность щек.

Неизменен, одинаков,
Режешь времени поток.

Взор опустишь, руки сложишь...
В мыслях – молниеносный излом.

Замолчишь и изнеможешь
Пред невеждой, пред глупцом.

Нет, не мысли, – иглы молний
Возжигаешь в мозг врага.

Стройной рифмой преисполни
Вихрей пьяные рога,

Потрясая строгим тоном
Звезды строящий эфир...

Где-то там... за небосклоном
Засверкает новый мир: —

Там за гранью небосклона —
Небо, небо наших душ:

Ты его в земное лоно

Рифмой пламенной обрушь.

Где-то новую туманность
Нам откроет астроном: —

Мира брэнного обманность —
Только мысль о прожитом.

В строфах – рифмы, в рифмах – мысли
Созидают новый свет...

Над душой твоей повисли
Новые миры, поэт.

Все лишь символ... Кто ты? Где ты?..
Мир – Россия – Петербург —

Солнце – дальние планеты...
Кто ты? Где ты, демиург?..

Ты над книгою изогнут,
Бледный оборотень, дух...

Грустен взор. Сюртук застегнут.
Гори, серьезен, строен, сух.

Март 1904

Москва

Маг

Упорный маг, постигший числа
И звезд магический узор.
Ты– вот: над взором тьма нависла...
Тяжелый, обожженный взор.

Бегут года. Летят: планеты,
Гонимые пустой волной, —
Пространства, времена... Во сне ты
Повис над бездной ледяной.

Безводны дали. Воздух пылен.
Но в звезд разметанный алмаз
С тобой вперил твой верный филин
Огонь жестоких желтых глаз.

Ты помнишь: над метою звездной
Из хаоса клонился ты
И над стенающею бездной
Стоял в вуалях темноты.

Читал за жизненным порогом
Ты судьбы мира наизусть...
В изгибе уст безумно строгом
Запечатлелась злая грусть.

Виси, повешенный извечно,
Над темной пляской мировой, —
Одетый в мира хаос млечный,
Как в некий саван гробовой.

Ты шел путем не примиренья —
Люциферическим путем.
Рассейся, бледное виденье,
В круговороте бредовом!

Ты знаешь: мир, судеб развязка,
Течение быстрое годин —
Лишь снов твоих пустая пляска;
Но в мире – ты, и ты – один,

Все озаривший, не согретый,
Возникнувший в своем же сне...
Текут года, летят планеты
В твоей несчастной глубине.

1904

Москва

Зима

Зима

М. А. Волошину

Снега синей, снега туманней;
Вновь освеженной дышим мы.
Люблю деревню, вечер ранний
И грусть серебряной зимы.

Лицо изрежет ветер резкий,
Прошлещет хладом в глубь аллей;
Ломают хрупкие подвески
Ледяных, звонких хрусталей.

Навеяв синий, синий иней
В стеклянный ток остывших вод,
На снежной, бархатной пустыне
Воздушный водит хоровод.

В темнеющее поле прыснет
Вечерний, первый огонек;
И над деревнею повиснет
В багровом западе дымок;

Багровый холод небосклона;
Багровый отблеск на реке...
Лениво каркнула ворона;
Бубенчик звякнул вдалеке.

Когда же в космах белых тонет
В поля закинутая ель,
Сребро метет, и рвет, и гонит
Над садом дикая метель, —

Пусть грудой золотых камней
Вскипит железный мой камин:
Средь пламенистых, легких звеньев
Трескучий прядает рубин.

Вновь упиваюсь, беспечальный,
Я деревенской тишиной;
В моей руке бокал хрустальный
Играет пеной кружевной.

Вдали от зависти и злобы
Мне жизнь окончить суждено.
Одни суровые сугробы
Глядят, как призраки, в окно.

Пусть за стеною, в дымке блеклой,
Сухой, сухой, сухой мороз, —
Слетит веселый рой на стекла

Алмазных, блещущих стрекоз.

1907

Петровское

Ссора

1

Год минул встрече роковой.
Как мы, любовь лелея, млели,
Внимая вьюге световой,
Как в рыхлом пепле угли рдели.

Над углями склонясь, горишь
Ты жарким, ярким, дымным пылом;
Ты не глядишь, не говоришь
В оцепенении унылом.

Взгляни – чуть теплится огонь;
В полях пурга пылит и плачет;
Над крышею пурговый конь,
Железом громохая, скачет.

Устами жгла давно ли ты
До боли мне уста, давно ли,
Вся опрокинувшись в цветы
Желтофиолей, рез, магнолий.

И отошла... И смотрит зло

В тених за пламенной чертою.
Омыто бледное чело
Волной волос, волной златою.

Померк воздушный цвет ланит.
Сомкнулись царственные веки.
И все твердит, и все твердит:
"Прошла любовь", – мне голос некий

В душе не воскресила ты
Вспоминанья бурь уснувших...
И ежели забыла ты
Знаменованья дней минувших?

И ежели тебя со мной
Любовь не связывает боле, —
Уйду, сокрытый мглой ночной,
В ночное, в ледяное поле:

Пусть ризы снежные в ночи
Вскипят, взлетят, как брошусь в ночь я,
И ветра черные мечи
Прохладный свистом взрежут клочья.

Сложу в могиле снеговой
Любви неразделенной муки...
Вскочила ты, над головой
Свои заламывая руки.

1907

Москва

2

Над крышею пурговый конь
Пронесся в ночь. А из камина
Стреляет шелковый огонь
Струею жалящей рубина.

"Очнись: ты спал, и я спала..."
Не верю ей, сомненьем мучим.
Но подошла, но обожгла
Лобзаньем пламенно-текучим.

"Люблю, не уходи же – верь!.."
А два крыла в углу тенистом
Из углей красный, ярый зверь
Развеял в свете шелковистом.

А в окна снежная волна
Атласом вьется над деревней:
И гробовая глубина
Навек разъята скорбью древней...

Сорвав дневной покров, она
Бессонницей ночной повисла —

Без слов, без времени, без дна,
Без примиряющего смысла.

1908

Москва

Я это знал

В окне: там дев сквозных пурга,
Серебряных, – их в воздух бросит;
С них отрясает там снега,
О сучья рвет; взовьет и носит.

Взлетят и дико взвизгнут в ночь,
Заслышав черных коней травлю.
Печальных дум не превозмочь.
Я бурю бешеную славлю.

Когда пойду в ночную ярь,
Чтоб кануть в бархате хрустящем,
Пространство черное, ударь, —
Мне в грудь ударь мечом разящим.

Уснувший дом. И мы вдвоем.
Пришла: "Я клятвы не нарушу!.."
Глаза: но синим, синим льдом
Твои глаза зеркалят душу.

Давно все знаю наизусть.
Свершайся, роковая сказка!
Безмерная, немая грусть!
Холодная, немая ласка!

Так это ты (ужель, ужель!),
Моя серебряная дева
(Меня лизнувшая метель
В волнах воздушного напева),

Свивая нежное руно,
Смеясь и плача над поэтом, —
Ты просочилась мне в окно
Снеговым, хрупким белоцветом?

Пылит кисей кисейный дым.
Как лилия, рука сквозная...
Укрой меня плащом седым,
Приемли, скатерть ледяная.

Заутра твой уснувший друг
Не тронется зеркальным телом.
Повиснет красный, тусклый круг
На облаке осиротелом.

1908

Москва

Воспоминание

Декабрь... Сугробы на дворе...
Я помню вас и ваши речи;
Я помню в снежном серебре
Стыдливо дрогнувшие плечи.

В марсельских белых кружевах
Вы замечались у портьеры:
Кругом на низеньких софах
Почтительные кавалеры.

Лакей разносит пряный чай...
Играет кто-то на рояли...
Но бросили вы невзначай
Мне взгляд, исполненный печали.

И мягко вытянулись, – вся
Воображенье, вдохновенье, —
В моих мечтаньях– воскреся
Невыразимые томленья;

И чистая меж вами связь
Под звуки гайдновских мелодий
Рождалась... Но ваш муж, косясь.
Свой бакен теребил в проходе...

—

Один – в потоке снеговом...
Но реет над душою бедной
Воспоминание о том,
Что пролетело так бесследно.

Сентябрь 1908

Петербург

В поле

Чернеют в далях снеговых
Верхушки многолетних елей
Из клокотаний буревых
Сквозных, взлетающих метелей.

Вздыхающих стенаний глас,
Стенающих рыданий мука:
Как в грозный полночи час
Припоминается разлука!

Непоправимое мое
Припоминается былое...
Припоминается ее
Лицо холодное я злое.

Пусть вечером теперь она
К морозному окну подходят
И видит: мертвая луна...
И волки, голодая, бродят

В серебряных, сквозных полях;
И синие ложатся тени
В заиндеветших тополях;
И желтые огни селений,

Как очи строгие, глядят,
Как дозирующие очи;
И космы бледные летят
В пространства неоглядной ночи.

И ставни закрывать велит...
Как пробудившаяся совесть,
Ей полуночный ветер твердит
Моей глухой судьбины повесть.

Прости же, тихий уголок,
Тебя я покидаю ныне...
О, ледени, морозный ток,
В морозом скованной пустыне!..

1907

Париж

Совесть

Я шел один своим путем;
В метель застыл я ледяным комом.
И вот в сугробе ледяном
Они нашли меня под домом.

Им отдал все, что я принес:
Души расколотой сомненья,
Кристаллы дум, алмазы слез,
И жар любви, и песнопенья,

И утро жизненного дня.
Но стал помехой их досугу.
Они так ласково меня
Из дома выгнали на выюгу.

Непоправимое мое
Вспоминается бывшее...
Вспоминается ее
Лицо холодное и злое...

Прости же, тихий уголок,
Где жег я дни в бесцельном гимне!
Над полем стелется дымок.
Синеет в дали сумрак зимний.

Мою печаль, и пыл, и бред
Сложу в пути осиротелом:
И одинокий, робкий след,
Прочерченный на снеге белом, —

Метель со смехом распылит.
Пусть так: неметствует их совесть,
Хоть снежным криком ветр твердит
Моей глухой судьбины повесть.

Покоя не найдут они:
Пред ними протекут отныне
Мои засыпанные дни
В холодной, в неживой пустыне...

Все точно плачет и зовет
Слепые души кто-то давний:
И бледной стужей просечет
Окно под пляшущею ставней.

1907

Париж

Ночь

Сергею Кречетову

Хотя бы вздох людских речей,
Хотя бы окрик петушиный:
Глухою тяжестью ночей
Раздавлены лежат равнины.

Разъята надо мною пасть
Небытием слепым, безрезным.
Она свою немую власть
Низводит в душу током грозным.

Ее пророческое дно
Мой путь созвездьями означает
Сквозь вихрей бледное пятно.
И зверь испуганный проскачет

Щетинистым своим горбом:
И рвется тень между холмами
Пред ним на снеге голубом
Тревожно легкими скачками:

То опрокинется в откос,
То умяется под елкой.
Заплачет в дальних далях пес,

К саням прижмется, чуя волка.

Как властны суеверный страх,
И ночь, и грустное пространство,
И зычно вставший лдяный прах —
Небес суровое убранство.

Январь 1907

Париж

Смерть

Кругом крутые кручи,
Смеется ветром смерть.
Разорванные тучи!
Разорванная твердь!

Лег ризой снег. Зари
Краснеет красный край.
В волнах зари умри!
Умри – гори: сгорай!

Гремя, в скрипящий щебень
Железный жезл впился.
Гряду на острый гребень
Грядущих миггов я.

Броня из крепких льдин.
Их хрупкий, хрупкий хруст.
Гряду, гряду – один.
И крут мой путь, и пуст.

У ног поток мгновений.
Доколь еще – доколь?
Минуют песни, пени,
Восторг, и боль, и боль —

И боль... Не вольно – ах,
Клонюсь над склоном дня,
Клоню свой лик в лучах...
И вот – меня, меня

В край ночи зарубежный,
В разорванную твердь,
Как некий иней снежный,
Сметает смехом смерть.

Ты – вот, ты – юн, ты – молод,
Ты – муж... Тебя уж нет:
Ты – был: и канул в холод,
В немую бездну лет.

Взлетая в сумрак шаткий,
Людская жизнь течет,
Как нежный, снежный, краткий
Сквозной водоворот.

1908

Петербург

Разуверенья

Ночь

Сергею Соловьеву

Как минул вешний пыл, так минул страстный зной.
Вотще покоя ждал: покой еще не найден.
Из дома загредел гульливою волной,
Волной разымчивой летящий к высям Гайден.

Презрительной судьбой обидно уязвлен,
Надменно затаишь. На тусклой, никлой, блеклой
Траве гуляет ветер; протяжным вздохом он
Ударит в бледных хат мрачнеющие стекла.

Какая тишина! Как просто все вокруг!
Какие скудные, безогненные зори!
Как все, преjdeшь и ты, мой друг, мой бедный друг.
К чему ж опять в душе кипит волнений море?

Пролейся, лейся, дождь! Мятись, суровый бор!
Древес прельстительных прельстительно вздыханье.
И дольше говорит и ночи скромный взор,
И ветра дальний глас, и тихое страданье.

Июнь 1907
Петровское

Прости

1

Зарю я зрю – тебя...
Прости меня, прости же:
Немею я, к тебе
Не смею подойти...

Горит заря, горит —
И никнет, никнет ниже.
Бьет час: "Вперед". Ты – вот:
И нет к тебе пути.

И ночь встает: тенит,
И тенью лижет ближе,
Потоком (током лет)
Замоеет свет... Прости!

Замоеет током лет
В пути тебя... Прости же —
Прости!

Покров: угрюмый кров —
Покров угрюмой ночи —
Потоком томной тьмы
Селенья смысл, замыл...

Уныло ропщет даль,
Как в далях взропщут рощи.
Растаял рдяных зорь,
Растаял, – рдяный пыл.

Но мерно моет мрак, —
Но мерно месяц тощий,
Летя в пустую высь
Венцом воздушных крыл —

Покров, угрюмый кров —
Покров угрюмой ночи —
Замыл.

Душа. Метет душа, —

Взметаёт душный полог,
Воздушный (полог дней
Над тайной тайн дневных):

И мир пустых теней,
Ночей и дней – осколок
Видений, снов, миров
Застывших, ледяных —

Осколок месячный: —
Над сетью серых елок
Летит в провал пространств
Иных, пустых, ночных...

Ночей, душа моя,
Сметай же смертный полог, —
И дней!

4

Угрюмая, она
Сошла в угрюмой нощи:
Она, беспомощно
Склонясь на мшистый пень, —

Внемля волненью волн
(Как ропщут, взропщут рощи), —

В приливе тьмы молчит:
Следит, как меркнет день,

А даль вокруг нее
Таинственной в прощсе;
А гуще сень древес, —
Таинственная сень...

Одень ее, покров —
Покров угрюмой ноши, —
Одень!

Март 1908

Москва

Философическая грусть

Мой друг

Уж с год таскается за мной
Повсюду марбургский философ.
Мой ум он топит в мгле ночной
Метафизических вопросов.

Когда над восковым челом
Волос каштановая грива
Волнуется под ветерком,
Взьерошивши ее, игриво

На робкий роковой вопрос
Ответствует философ этот,
Почесывая бледный нос,
Что истина, что правда... – метод.

Средь молодых, весенних чащ,
Омытый предвечерним светом,
Он, кутаясь в своя черный плащ,
Шагает темным силуэтом;

Тряхнет плащом, как нетопырь,

Взмахнувший черными крылами...
Новодевичий монастырь
Блится ясными крестами: —

Здесь мы встречаемся... Сидим
На лавочке, вперивши взоры
В полей зазеленевший дым,
Глядим на Воробьевы горы.

"Жизнь, — шепчет он, остановись
Средь зеленеющих могил, —
Метафизическая связь
Трансцендентальных предпосылок.

Рассеется она, как дым:
Она не жизнь, а тень суждений..."
И клонится лицом своим
В лиловые кусты сирени.

Пред взором неживым меня
Охватывает трепет жуткий. —
И бьются на венках, звеня,
Фарфоровые незабудки.

Как будто из зеленых трав
Покойники, восстав крестами,
Кресты, как руки, ввысь подъяв
Моргают желтыми очами.

Искушитель

Врубелю

О, пусть тревожно разум бродит
И замирает сердце – пусть,
Когда в очах моих восходит
Философическая грусть.

Сажусь за стол... И полдень жуткий,
И пожелтевшей фолиант
Заложен бледной незабудкой;
И корешок, и надпись: Кант.

Заткет узорной паутиной
Цветную бабочку паук —
Там, где над взвешанной гардиной
Обвис сиренью спелый сук.

Свет лучезарен. Воздух сладок...
Роняя профиль в яркий день,
Ты по стене из темных складок
Переползаешь, злая тень.

С угла свисает профиль строгий
Неотразимую судьбой.
Недвижно вычерчены ноги

На тонком кружеве обой.

Неуловимый, вечно зыбкий,
Не мучай и подай ответ!
Но сардонической улыбки
Не выдал черный силуэт.

Он тронулся и тень рассыпал.
Он со стены зашелестел;
И со стены бесшумно выпал,
И просквозил, и просерел.

В атласах мрачных легким локтем
Склонясь на мой рабочий стол,
Неотвратимо желтым ногтем
Вдоль желтых строк мой взор повел.

Из серебристых паутинок
Сотканный грустью лик кивал,
Как будто рой сквозных пылинок
В полдневном золоте дрожал.

В кудрей волнистых, золотистых
Атласистый и мягкий лен
Из незабудок росянистых
Гирлянды заплетает он.

Из легких трав восходят туры
Едва приметные рога.

Холодные глаза – лазури, —
Льют матовые жемчуга;

Сковали матовую шею
Браслеты солнечных огней...
Взвивается, подобный змею,
Весь бархатный, в шелку теней.

Несущий мне и вихрь видений,
И бездны изначальной синь,
Мой звездный брат, мой верный гений,
Зачем ты возникаешь? Сгинь!

Ты возникаешь духом нежным,
Клоня венчанную главу.
Тебя в краю ином, безбрежном,
Я зрел во сне в наяву.

Но кто ты, кто? Гудящим взмахом
Разбив лучей сквозных руно,
Вскипел, – и праздно прыснул прахом
В полуоткрытое окно.

* * *

С листа на лист в окошке прыснет,
Переливаясь, бриллиант...

В моих руках бессильно виснет
Тяжеловесный фолиант.

Любви не надо мне, не надо:
Любовь над жизнью вознесу...
В окне отрадная прохлада
Струит перловую росу.

Гляжу: – свиваясь вдоль дороги,
Косматый прах тенит народ,
А в небе бледный и двурогий,
Едва заметный синью лед

Серпом и хрупким, и родимым
Глядится в даль иных краев,
Окуреваем хладным дымом
Чуть продышавших облаков.

О, пусть тревожно разум бродит
Над грудой поблеклых книг...
И Люцифера лик восходит,
Как месяца зеркальный лик.

1908

Москва

Демон

Из снежных тающих смерчей,
Средь серых каменных строений,
В туманный сумрак, в блеск свечей
Мой безымянный брат, мой гений

Сходил во сне и наяву,
Колблемый вечными мглами;
Он грустно осенял главу
Мне тихоструйными крылами.

Возникнувши над бегом дней,
Извечные будил сомненья
Он зыбкою игрой теней,
Улыбкою разуверенья.

Бывало: подневольный злу
Незримые будил рыданья, —
Гонимые в глухую мглу
Невыразимые страданья.

Бродя, бывало, в полусне,
В тумане городском, меж зданий, —
Я видел с мукою ко мне
Его протянутые длани,

Мрачнеющие тени вежд,
Безвластные души порывы.
Атласные клоки одежд,
Их веющие в ночь извивы...

С годами в сумрак отошло,
Как вдохновенье, как безумье, —
Безрогое его чело
И строгое его раздумье.

Март 1908

Москва

Я

Далек твой путь: далек, суров.
Восходит серп, как острый нож.
Ты видишь – я. Ты слышишь – зов.
Приду: скажу. И ты поймешь.

Бушует рожь. Восходит день.
И ночь, как тень небытия.
С тобой Она. Она как тень.
Как тень твоя. Твоя, твоя.

С тобой – Твоя. Но вы одни,
Ни жизнь, ни смерть: ни тень, ни свет,
А только вечный бег сквозь дни.
А два летят, летят: их – нет.

Приди. – Да, да: иду я в ночь.
Докучный рой летящих дней!
Не превозмочь, не превозмочь.
О ночь, покрой кольцом теней!

Уйдешь – уснешь. Не здесь, а – там.
Забудешь мир. Но будет он.
И там, как здесь, отдайся снам:
Ты в повтореньях отражен.

Заснул – проснулся; в сон от сна.
И жил во сне; и тот же сон,
И мировая тишина,
И бледный, бледный неба склон;

И тот же день, и та же ночь;
И прошлого докучный рой...
Не превозмочь, не превозмочь!..
Кольцом теней, о ночь, покрой!

Декабрь 1907

Петербург

Тристии

Вольный ток

Душа, яви безмерней, краше
Нам опрозраченную твердь!
Тони же в бирюзовой чаше,
Оскудевающая смерть!

Как все, вплетался подневольный
Я в безысходный хоровод.
Душил гробницею юдольный,
Страстей упавший небосвод.

А ныне – воздухами пьяный,
Взмываюсь вольною мечтой,
Где бьет с разбегу ток лиственный
О брег лазурный и пустой.

И там, где, громами растущий,
Яснеет облачный приют, —
Широколиственные кущи
Невнятной сладостью текут.

Туда земную скоротечность,

Как дольний прах, переметет.
Алмазом полуночным вечность
Свой темный бархат изоткет.

Июнь 1907

Петровское

Прошлому

Сентябрьский, свеженький денек.

И я, как прежде, одинок.

Иду – бреду болотом топким.

Меня обдует ветерок.

Встречаю осень сердцем робким.

В ее сквозистую эмаль

Гляжу порывом несогретым.

Застуденеет светом даль, —

Негреющим, бесстрастным светом.

Там солнце – блещущий фазан —

Слетит, пурпурный хвост развеяв;

Взлетит воздушный караван

Златоголовых облак – змеев.

Душа полна: она ясна.

Ты – и утишен, и возвышен.

Предвестьем дышит тишина.

Все будто старый окрик слышен, —

Разгульный окрик зимних бурь,

И сердцу мнится, что – навеки.

Над жнивою тогда лазурь

Опустит облачные веки.

Тогда слепые небеса.
Косматым дымом даль задвинут;
Тогда багрянец дерева,
Вскипая, в сумрак бледный кинут.

Кусты, вскипая, мне на грудь
Хаосом листьев изревутся;
Подъятыми в ночную муть
Вершинами своими рвутся.

Тогда опять тебя люблю.
Остановлюсь и вспоминаю.
Тебя опять благословлю,
Благословлю, за что – не знаю.

Овеиваешь счастьем вновь
Мою измученную душу.
Воздушную твою любовь,
Благословляя, не нарушу.

Холодный, темный вечерок.
Не одинок, и одинок.

Февраль 1907

Париж

ДУМЫ

ЖИЗНЬ

Памяти Ю. А. Сидорова с любовью посвящаю

Проносится над тайной жизни
Пространств и роковых времен
В небесно-голубой отчизне
Легкотекущий, дымный сон.

Возносятся под небесами,
Летят над высотами дни
Воскуренными облаками, —
Воскуренными искони.

Жизнь – бирюзовою волною
Разбрызганная глубина.
Своею пеною дневною
Нам очи задымит она.

И все же в суетности брэнной
Нас вещи смущают сны,
Когда стоим перед вселенной
Углублены, потрясены, —

И отверзается над нами
Недостижимый край родной
Открытою над облаками
Лазуревую глубиной.

Июль 1908

Дедово

Ночь и утро

Б. А. Садовскому

*Мгновеньями текут века.
Мгновеньями утонут в Лете.
И вывездидлась в ночь тоска
Мятущихся тысячелетий.*

*Глухобезмолвная земля,
Мне непокорная доньне, —
Отньне принимаю я
Благовестительство пустыни!*

*Тоскою сжатые уста
Взорвите, словеса святые,
Ты – утренняя красота,
Вы – горные края золотые!*

*Вот там заискрились, восстав, —
Там, над дубровою поющей —
Алмазами летящих глав
В твердь убегающие кущи.*

*1908
Дедово*

Ночь – отчизна

Предубежденья мировые
Над жизнью парят молодой —
Предубежденья роковые
Неодолимой чередой.

Неодолимо донимают,
Неутолимы и грозны,
В тот час, как хаос отверзают
С отчизны хлынувшие сны.

Слетают бешено в стремнины, —
В тьмы безглагольные края —
За годом горькие години.
Оскудевают дни мои.

Свершайся надо мною, тризна!
Оскудевайте, дни мои!
Паду, отверстая отчизна,
В темнот извечные рои.

1908

Дедово

Вечер

Там золотым зари закатом
Лучится солнечный поток
И темным, огневым гранатом
Окуревается восток.

Грозятся безысходной мглою
Ночные вереницы гроз.
Отторгни глубиною злою
С души слетающий вопрос.

Неутомимой, хоть бесплодной,
Ты волею перегори,
Как отблеском порфиородной,
Порфиропламенной зари!

Там рдей, вечеровое рденье, —
Вечеровая полоса...
Простертые, как сновиденья,
Воскуренные небеса.

Июль 1908

Дедово

Перед грозой

Увы! Не избегу судьбы я,
Как загремят издалика
Там громовые, голубые,
В твердь возлетая, облака, —

Зане взволнованные совы
Их громовой круговорот, —
Над бездной мировой могилы
Молниблещущий полет.

В поток быстротекущей жизни,
В житейский грозовой туман,
Забыв о неземной отчизне,
Низринулса, и всё – обман.

Увы! Не избегу судьбы я,
И смерть моя недалека.
И громовые, голубые
В дверь возлетают облака.

1908

Дедово

Просветление

Ты светел в буре мировой,
Пока печаль тебя не жалит.
Она десницей роковой
В темь изначальную провалит.

Веселье хмельное пьяно.
Все мнится, что восторг пронижет.
Гортань прохладное вино
Огнистою струею лижет.

Испил: – и брызнувший угар
Похмельем пенистым пылится.
И кубок ядовитых чар,
Опорожненный, чуть дымится.

Нет, он меня не обожжет:
Я возлюбил души пустыню.
Извечная, она лиет
Свою святую благостыню.

Извечная, она, как мать,
В темнотах бархатных восстанет.
Слезами звездными рыдать
Над бедным сыном не устанет.

Ты взору матери ответь:
Взгляни в ее пустые очи.
И вечно будешь ты глядеть
В мглу разливающейся ночи.

Вот бездна явлена тоской,
Вот в изначальном мир раздвинут.
Над бездной этой я рукой
Нечеловеческой закинут.

Ее ничем не превозмочь...
И пробегают дни за днями;
За ночью в очи плещет ночь
Своими смертными тенями.

-

Вздохнешь, уснешь – и пепел ты,
Рассеянный в пространствах ночи...
Из подневольной суеты
Взгляни в мой пустые очи, —

И будешь вечно ты глядеть,
Ты, – бледный, пленный, бранный житель
За гранями летящих дней
В тени прохладную обитель...

1907

Париж

Время

Еще прохладу струй студеных
Не иссушил жестокий круг...
Здесь, в переливах я зеленых —
Твоих, необозримый луг.

Ветров, раскатистые гулы.
Все где-то это видел взор.
Все тот же топчет дед сутулый
Рассыпчатый цветков ковер.

Проходит дед стопою лютой.
Пройди – но цвет полей не тронь...
Идет: на плуг ложится круто
Шершавая его ладонь.

Необозримых пашней пахарь —
Над зацветающей весной...
Круговоротов грозных знахарь,
Яви же жирный пережной.

Для прозябанья мыслям-зернам!
Воскинь секущим острием
Над луговым, корнистым дерном
Хаоса – мрачный чернозем!

Косматые склонил седины.
Прости же, непопранный луг!
Взрезает мягко дерновины
Лениво лязгающий плуг.

Онучею истопчет хворост
И гребни острые кремней.
Над бархатами свежих борозд
Да всходит свежесть зеленей.

Так лет мимотекущих бремя
Несем безропотные мы,
Когда железным зубом время
Нам взрежет бархат вечной тьмы.

Ты скажешь – день; и день обманет.
Он – вот: но голову закинь —
Гляди: и в хмурый сумрак канет
Его сапфировая синь.

1907

Петровское

Посвящения

Сергею Соловьеву

Соединил нас рок не даром,
Нас общий враг губил... И нет —
Вверяя заревым пожарам
Мы души юные, поэт,
В отдохновительном Петровском,
И после – улицам московским
Не доверяя в ноябре,
Томились в снежном серебре:
Томились, но не умирали...
Мы ждали...
И в иные дали
Манила юная весна,
И ваши юные печали
Смывала снежная волна.

Какое грозное виденье
Смущало оробевший дух,
Когда стихийное волненье
Предощущал наш острый слух!..
В грядущих судьбах прочитали
Смятенье близкого конца:

Из тьмы могильной вызывали
Мы дорогого мертвеца —
Ты помнишь? Твой покойный дядя,
Из дали безвременной глядя,
Вставал в метели снеговой
В огромной шапке меховой,
Пророча светопреставленье...
Потом – японская война:
И вот – артурское плененье,
И вот – народное волнение,
Холера, смерть, землетрясение —
И роковая тишина...
Покой воспоминаний сладок:
Как прежде, говорит без слов
Нам блеск пурпуровых лампадок,
Вздых металлических венков,
И монастырь, и щебет птичий
Над золотым резным крестом:
Там из сиреней лик девичий,
Покрытый черным клобуком,
Склоняется перед могилой,
И слезы на щеках дрожат...

Какою-то нездешней силой
Мы связаны, любимый брат.
Как бы неверная зарница,
Нам озаряя жизни прах,
Друзей минутных вереница

Мелькнула в сумрачных годах;
Ты шел с одними, я – с другими;
Шли вчетвером и впятером...
Но много ли дружили с ними?
А мы с тобой давно идем
Рука с рукой, плечо с плечом.

Годины трудных испытаний
Пошли нам бог перетерпеть, —
И после, как на поле брани,
С улыбкой ясной умереть.
Нас не зальет волной свинцовой
Поток мятущихся времен,
Не повалят стрелой багровой
Грядущий в мир Аполлион...
Мужайся: над душою снова —
Передрассветный небосклон;
Дивеева заветный сон
И сосны грозные Сарова.

Январь 1909

Москва